

И.В. ВОВК
(Орск)

**«ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ –
ЭТО УЖЕ РОСКОШЬ
ДЛЯ НАРОДА ...»: К ВОПРОСУ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ
В 30–40-е гг. XIX века**

Рассматриваются региональные аспекты образовательной политики и практики оренбургских военных губернаторов в 30–40-е гг. XIX в. и их связь с административными формами.

Ключевые слова: империя, образовательная политика, военные губернаторы, патернализм, инородцы.

Становление имперской образовательной политики неразрывно связано с особенностями формирования империй как части исторической динамики XVIII–XIX вв. В исторической компаративистике XX–XXI вв. сложилось устойчивое противопоставление так называемых «заморских» и «континентальных» империй, которые формировались различными путями и по-разному транслировали свои идентичности на имперские окраины [3; 7; 9; 10].

Если Британская, Голландская и, в меньшей степени, Французская империи создавались первоначально как торговые корпорации коренного населения метрополии, то континентальные – как военно-административные консорциумы, в основании которых находились различные проекты: от династийного (империя Габсбургов) до военно-колониационного (Российская империя XVIII–XIX вв.).

В первой половине XIX в. в Российской империи начинают формироваться предпосылки для административного освоения присоединенных территорий. На западных окраинах российские чиновники сталкивались в основном со стабильно функционирующим административным аппаратом, который нужно было трансформировать или приспособить к существующим управленческим практикам. В Поволжье, Приуралье, степном приграничье все это нужно было создавать заново. Этническое многообразие, поликонфессиональность «обширных территорий Юго-Востока

Европейской России играли роль своеобразной “творческой лаборатории” ..., где вырабатывались принципы внешнеполитической, а затем – по мере превращения региона во “внутреннюю окраину” – и внутривластной стратегии Российского государства» [8, с. 29].

Как правило, колониальное продвижение на юго-восточных окраинах достигалось за счет умелого сочетания устрашающего применения вооруженной силы, своего рода пропагандистской работы среди этнической и мусульманской элиты и реального решения экономических и социально-культурных проблем края. По мере закрепления территорий на первый план выходило третье направление деятельности, а первые два отодвигались на задний план [4, с. 247].

Изучение истории народного образования в Оренбургской губернии позволяет выявить тот административный инструментарий и те мероприятия, которые способствовали укреплению имперского единства на всей территории крупнейшего евразийского государства. При этом необходимо учитывать и тот факт, что строительство Российской империи в послепетровский период в большей степени являлось делом рук военных, чем иных социальных и профессиональных групп. Приобретение новых земель и встраивание народов в систему имперских отношений несли на себе сильнейший отпечаток военного этоса, в котором собственно корпоративные ценности соединились с государственным патернализмом по отношению ко всем объектам имперской политики [Там же]. Цивилизующее влияние армии на окраинах государства придавало очеловеченный облик имперской власти, а участие армейских чинов в культуртрегерских программах, в том числе по привлечению представителей коренных народов к образованию, позволило наделить российский «империализм» и «колониализм» чертами «участнического» и «прогрессивного» [16, с. 5–7].

К середине XIX в. в империи в целом уже сложилась система многопрофильного образования, включавшая в себя в том числе кадетские корпуса, инженерные и казачьи училища, школы армейских корпусов и т. д. В 1801 г. правительством России издан Устав «О заведении в некоторых губерниях военных училищ», где указывалось на необходимость открытия в пятилетний период (с 1801-го по 1806 г.) училищ для обучения детей военному делу в 17 российских городах, в том числе в

Оренбурге. Однако в Оренбурге учебное заведение названного типа – Неплюевское военное училище – по причинам финансовых затруднений было открыто с большим опозданием, только в 1825 г. [1]. Это было государственное мужское среднее общеобразовательное заведение с профессиональной военной подготовкой. Обучение являлось платным, носило светский характер, длилось 6 лет. Принимали в училище по сословному признаку. Начиная с 7–8-летнего возраста в нем, наряду с русскими, обучались дети зажиточных инородцев (башкир, татар, казахов), а также дети казаков, населявших губернию в начале XIX в. Финансирование осуществлялось из государственного казначейства, а также за счет частных пожертвований, «стипендий» Оренбургского казачьего войска и платы за обучение [12].

С момента образования губернии и до возникновения учебных округов (Казанского, а с 1875 г. Оренбургского) образовательная политика в Оренбургской губернии связана с деятельностью военного губернатора. Региональная власть последовательно пыталась решать вопросы, связанные с обеспечением социальных нужд подданных различных вероисповеданий путем привлечения коренного населения к образовательным практикам. Интересно, что государственные программы по приобщению коренного башкирского населения к обучению зачастую совпадают по времени с реформами управления территориями. Так, в 30-е гг. XIX в. подготавливается и проводится так называемая «башкирская реформа» управления подвластными территориями Нижнего Поволжья и Южного Урала. Одним из ее инициаторов был военный губернатор Оренбурга П.П. Сухтелен. В целом реформа должна была способствовать переводу башкирского населения в податное состояние и в том числе созданию на базе национальных кантонов регулярного башкиро-мещеряцкого полка [2, с. 180–182].

Для обеспечения социальной инфраструктуры будущего воинского подразделения в Казанской гимназии и университете учреждаются постоянные вакансии с целью подготовки врачей для башкиро-мещеряцкого войска (в 1836 г. – 20 вакансий). Ситуация осложнялась тяжелой эпидемиологической обстановкой в регионе, где с 1829 г. свирепствовала холера (в некоторых городах умирало свыше 30% заболевших), а также бытовой сифилис, распространенный в основном в сельской местности среди коренного населения [6, с. 57]. Выделение квот для будущих врачей-башкир рассма-

тривалось как профилактическое мероприятие, которое будет способствовать в дальнейшем стабилизации и ликвидации эпидемий.

П.П. Сухтелен в своем рапорте от 31 мая 1831 г. начальнику главного штаба генерал-адъютанту графу А.И. Чернышеву пишет, что «при обозрении Высочайше вверенной мне губернии многие случаи удостоверили меня, что между башкирцами, мещеряками, татарами венерическая болезнь так внедрилась, что в переходе в семействах в крови от одного к другому приметно умалывает целые роды» [14, с. 11]. При этом факт наличия среди народов-«иноверцев» серьезной эпидемии был обнаружен в ходе рекрутских наборов, когда до трети рекрутов по «медицинским свидетельствам отвергаются за уродливостью и телесными болезнями» [Там же]. В своем рапорте оренбургский генерал-губернатор ставит серьезную проблему, с которой военная и административная элиты империи столкнулись на территориях, где компактно проживали мусульманские и иные нехристианские общины.

Коренное население Южного Урала (башкиры, киргизы, тептяри) в начале XIX в. «избегало всякого образования в российских учебных заведениях» [Там же, с. 14], и власти в лице генерал-губернаторов прекрасно это понимали. Причины этого явления кроются в плоскости социально-культурных и управленческих особенностей коренного населения, хотя российские власти считали, что «местные инородцы еще просто не совсем приведены в людскость и в подданическое послушание» [5, с. 30].

Безусловно, наличие такого документа, как рапорт оренбургского генерал-губернатора 1831 г., свидетельствует о том, что инородцы постепенно переходили в состояние цивилизованности в понимании российской военной элиты на окраинах империи. Интерес представляют те мероприятия, которые оренбургские власти проводили в отношении местных народов с целью их приобщения к основам российского (европейского) стандарта поведения.

Для решения этой задачи российские власти обращаются к посредничеству оренбургского муфтия. Исполняя распоряжение военного губернатора, последний рассылает подведомственным ему верующим фетву, в которой присутствует своего рода наставление: «Все мусульмане, которые прочтут сию фетву, в которой описывается обучение полезному и необходимому искусству излечения, должны без малейшего ослушания привести ее в исполне-

ние и употребить все свои усилия и старания, дабы были посланы в Казанский университет для обучения медицинской части...» [14].

Муфтий для подтверждения идеологии фетвы приводит мнение известных мусульманских богословов, которые в своих проповедях подтверждают необходимость получения ученых знаний, в том числе и медицинских. Судя по всему, не возлагая особых надежд на религиозно-мировоззренческие составляющие фетвы, глава оренбургской уммы указывает на тот факт, что «магометане весьма желают, чтобы они были избавлены: податные от рекрутской очереди, тептяри от отдачи в казаки, а башкирцы и мещеряки от посылки на службу» [Там же, с. 16].

Для российских властей такого рода «пожелания» были неприемлемы, и вместо массовой отправки мусульман в Казанский университет были зачислены всего четыре человека, из которых успешно закончили его и стали профессиональными врачами только двое. Этого было явно недостаточно для потребностей огромного региона, где проживало большое количество мусульман.

В 1835 г. уже следующий генерал-губернатор В.А. Перовский ходатайствовал перед министерством внутренних дел об увеличении числа обучающихся медицине мусульман. В мае 1836 г. В.А. Перовский разослал всем кантонным начальникам циркуляр, в котором содержалось безусловное требование о принятии и обучении «изначально в гимназии, а потом в университете медицинским наукам 20 магометанских воспитанников оренбургского края с отнесением на счет Государственного казначейства потребного на содержание их во время обучения расхода» [14]. Список отправленных на учебу детей был в дальнейшем представлен командующим башкирским и мещерякским войсками генерал-майором Т.С. Циолковским в рапорте от 10 августа 1836 г.

Генерал-майор Т.С. Циолковский понимал практическую необходимость профессионального образования для своих подчиненных и часто ходатайствовал перед генерал-губернатором и министерством народного просвещения по этому поводу. Правда, сообщений от региональных властей он не получил, а министр ответил, что «высшее образование – это уже роскошь для народа, и в настоящее время для башкир едва ли пригодно... Ныне для образования башкир учреждено 30 вакансий в Неплюевском Кадетском Корпусе и 20 – в Казанской гимназии и университете...

Это то, что касается вакансий государства, а если будут желающие обучаться за свой счет в гимназии или университете, то никто им не запрещает» [11].

Аналогичные мероприятия по отправке молодых башкир и мещеряков на учебу проводились оренбургскими властями достаточно регулярно, особенно в 30–40-е XIX в. Так, в 1841 г. в Казанскую гимназию были направлены на обучение «наукам разным и учительскому мастерству» 15 башкир [13, с. 48–49]. В 1846 г. 25 башкир из нескольких кантонов Оренбургской губернии отправляются в Ижевскую гимназию «для ремесленного научения» [Там же]. Такая целенаправленная образовательная политика оренбургских властей характерна для всего дореформенного периода. Нужно пояснить, что региональные аспекты образовательных мероприятий укладываются в целом в государственную (имперскую) политику в области просвещения. Применительно к окраинам империи она характеризуется, с одной стороны, утилитарно-прагматическим подходом к формированию системы мероприятий (потребность в рекрутах, борьба с эпидемиями и т. д.), с другой – «патерналистским» отношением к коренному населению колонизированных окраин. Целью такой политики являлась интеграция коренных народов, в том числе Оренбургского края, в состав империи.

Большая роль в подготовке профессиональных кадров вплоть до начала великих реформ 60–70-х гг. XIX в. принадлежала войсковому руководству края, которое реализовывало свой опыт имперского строительства в среде с имманентно слабой предрасположенностью к интеграции. При этом отсутствие интеграционного импульса способствовало развитию своего рода имперского волюнтаризма со стороны военного руководства окраин, решавшего практические задачи по освоению и обустройству территории во многом по своему разумению и опыту.

В целом, вольно или невольно, имперская администрация вынуждена была решать вопрос, как удовлетворить национальные и культурные запросы различных народов таким образом, чтобы предоставить им достаточные возможности для развития исторической индивидуальности и национального самосознания и в то же время сформировать у них национальное сознание государственной общности [15, с. 543].

Первая половина XIX в. – период, когда в России политический класс уже осознал свою цивилизаторскую миссию по отношению к ко-

лонизируемым окраинам, и образовательная политика в этом отношении играла особую роль. При этом смысл и мотивы «просвещения» для коренного населения и колонистов были, с одной стороны, различны, а с другой – в их основе лежали общезначимые принципы целостной «аккультурации» и создания политически лояльных подданных.

Список литературы

1. Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.
2. Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.
3. Бурбанк Д., Купер Ф. Траектория империи // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма: сб. / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М.: Нов. изд-во, 2010.
4. Волкова И. Русская армия в русской истории. М., 2005.
5. Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии XVIII в. // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Нов. лит. обозрение, 2010.
6. Дулова А.В. Становление системы здравоохранения в городах Оренбургской губернии первой половины XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4.
7. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
8. Леонтьева О.Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник СамГУ. 2012. № 8/2 (99).
9. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007.
10. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
11. Ответ на ходатайство командующего Башкирским войском «Об устройстве башкирских мальчиков в гимназию Оренбурга» // ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 34. Л. 33.
12. Полухина В.И. Образовательные учреждения Оренбургской губернии (1744–1917 гг.). Орск, 2007.
13. Санько В.В. Образование и государственная политика в Российской империи. Уфа, 1994.
14. Шуктинцев С.Н. Первые врачи из башкир в Оренбургском крае // Труды Оренбургской Архивной Комиссии. Вып. XI. Т. XI. Оренбург, 1903.
15. Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011.
16. Feuer L. Imperialism and the Anti-imperialist mind. Buffalo, N. Y., 1986.
1. Alektorov A.E. Istorija Orenburgskoj gubernii. Orenburg, 1883.
2. Asfandijarov A.Z. Kantonnoe upravlenie v Bashkirii (1798–1865 gg.). Ufa, 2005.
3. Burbank D., Kuper F. Traektorija imperii // Mify i zabluzhdenija v izuchenii imperii i nacionalizma: sb. / red.-sost. I. Gerasimov, M. Mogil'ner, A. Semenov. M.: Nov. izd-vo, 2010.
4. Volkova I. Russkaja armija v russkoj istorii. M., 2005.
5. Vul'pius R. Vesternizacija Rossii i formirovanie rossijskoj civilizatorskoj missii HVIII v. // Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): sb. st. / red. M. Aust, R. Vul'pius, A. Miller. M.: Nov. lit. obozrenie, 2010.
6. Dulova A.V. Stanovlenie sistemy zdravooohranenija v gorodah Orenburgskoj gubernii pervoj poloviny XIX veka // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 4.
7. Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naja imperija: Vozniknovenie. Istorija. Raspad. M.: Progress-Tradicija, 2000.
8. Leont'eva O.B. Nacional'naja i konfessional'naja politika Rossijskoj imperii v sovremennoj istoriografii // Vestnik SamGU. 2012. № 8/2 (99).
9. Liven D. Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI veka do nashih dnei. M.: Evropa, 2007.
10. Miller A. Imperija Romanovyh i nacionalizm. Jesse po metodologii istoricheskogo issledovanija. M.: Nov. lit. obozrenie, 2008.
11. Otvet na hodatajstvo komandujushhego Bashkirskim vojskom «Ob ustrojstve bashkirskih mal'chikov v gimnaziju Orenburga» // GAOO. F. 11. Op. 6. D. 34. L. 33.
12. Poluhina V.I. Obrazovatel'nye uchrezhdenija Orenburgskoj gubernii (1744–1917 gg.). Orsk, 2007.
13. San'ko V.V. Obrazovanie i gosudarstvennaja politika v Rossijskoj imperii. Ufa, 1994.
14. Shuktincev S.N. Pervye vrachi iz bashkir v Orenburgskom krae // Trudy Orenburgskoj Arhivnoj Komissii. Vyp. XI. T. XI. Orenburg, 1903.
15. Jasi O. Raspad Gabsburgskoj monarhii. M.: Tri kvadrata, 2011.

~ ~ ~

“Higher education is not luxury for people...”. To the issue of the features of the educational policy in the Orenburg Krai in the 1830–1840s

The article deals with then regional aspects of the educational policy and experience of the Orenburg military governors in the 1830-1840s and their connection with administrative reforms.

Key words: *the Empire, educational policy, military governors, paternalism, foreigners.*

(Статья поступила в редакцию 23.06.2016)